

на трыццаць год уперад, пры гэтым адразу “бярэцца плата за дэмантаж помніка” [1, с. 45]. Увесь гэты працэс рэгулюецца царквой. Калі вылучаныя грошы заканчваюцца, магілы руйнуюцца. Ускосна пісьменніца закранае тэму магілаў/пахаванняў эмігрантаў: Ларыса, апавядаючы пра “нічыя” косткі, скінутыя экскаватарам у яму, т. зв. “брацкую магілу”, якая “маецца на ўскрайку некаторых еўрапейскіх могілак”, даводзіць, што “гэта костачкі рускіх, беларускіх, украінскіх жанчын, якія адважна кінуліся са сваёй пахмурнай радзімы на пошукі гламурнага шчасця або ўсяго толькі сытага жыцця...” [1, с. 45]. Тэму “ластывак”-эмігрантак і іх не заўсёды ўдалага/шчаслівага лёсу на чужыне А. Брава закранала і ў згаданай вышэй аповесці “Каменданцкі час для ластывак”.

– акультураванне прыроды: расчараванне Ларысы гэтым фактам дэманструе эпізод пра дрэва на ўскрайку поля, якое здалёк нагадвае герані “гіганцкага трапяткога матыля” [1, с. 38]; наблізіўшыся да яго, Ларыса ўбачыла, што такую форму кароне прыдаў майстра нажніцамі. “Дрэвы тут злоўленыя ў палон цывілізацыяй – мажліва, таму яны не выпраменьваюць святла; там, у старым парку яе дзяцінства, засталася ззянне...” [1, с. 38] – разважае пра сябе геранія аповесці.

Падсумоўваючы вышэй сказанае, зазначым, што зварот А. Брава да тэмы Вялікай Айчыннай вайны аказаўся ўдалым і адметным. Разам з тым пісьменніца закранула ў аповесці шэраг грамадскіх і маральных праблем сучаснасці, актуальных для чалавецтва ў цэлым, прадставіла спосабы іх вырашэння ў Германіі, дзе стала пасялілася этнічная беларуска Ларыса, галоўная геранія аповесці, якая на ўсё глядзіць праз прызму свайго жыццёвага вопыту і маральнага імператыву.

Спіс літаратуры

1 Брава, А. В. Дараванне=Прощение=Vergebung : аповесць / А. В. Брава; пер. на ням. мову Андрэ Бёма. – Мінск : Выд. дом “Звязда”, 2013. – 208 с.

2 Фіцнер, Т. А. Вялікая Айчынная вайна ў адлюстраванні А. Брава: на прыкладзе аповесці “Дараванне” / Т. А. Фіцнер // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў славянскіх літаратурах : матэрыялы Міжнародных навуковых чытанняў, прысвечаных памяці народнага пісьменніка Беларусі, акадэміка І. Я. Навуменкі (Гомель, 8–9 кастрычніка 2020 года). – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 88–91.

3 Брава, А. Каменданцкі час для ластывак : аповесці, апавяданні / А. Брава. – Мінск : Маст. літ., 2004. – С. 5–95.

4 Фіцнер, Т. А. Гендарныя аспекты рэпрэзентацыі жаночага цела ў сучаснай беларускай жаночай прозе / Т. А. Фіцнер // Спадчына І. Я. Навуменкі і актуальныя праблемы літаратуразнаўства : зб. навук. артыкулаў / рэдкалегія І. Ф. Штэйнер (гал. рэд.) [і інш.], М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўн-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2014. – С. 128–132.

УДК 821.161.3-311.6

О. А. ЛИДЕНКОВА

(г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины)

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Статья посвящена выявлению композиционно-стилистических особенностей современной исторической прозы белорусских и англоязычных авторов. Рассматривается эволюция традиционного и литературного исторического романа последних десятилетий, основное внимание уделяется компаративному изучению жанровой синкретичности и сочетания

традиционной и постмодернистской стилистики в творчестве британского писателя П. О'Брайана и известного белорусского автора Л. Дайнеко. Выявляются дальнейшие перспективы развития жанра в начале XXI века.

Современная литература переживает очередной период расцвета исторической прозы. В отличие от ситуации, преобладавшей на протяжении практически всего XX века, к теме национальной истории в настоящее время обращаются не только авторы популярной приключенческой литературы, детективов и любовных романов. Как справедливо отмечают многие критики, литературоведы, сами писатели и даже социологи (П. Андерсон, Л. Хатчеон, Дж. Де Гру и проч.), сама суть современной “серьезной” литературы – literary fiction – сосредотачивается вокруг истории. Парадоксально, что при всем внимании, которое уделяют жанру критики (о чем свидетельствует, в том числе количество присужденных наград и премий), статус традиционного исторического романа как объекта достойного серьезного исследовательского внимания в глазах академического сообщества до сих пор остается под вопросом. Произведения таких писателей, как Б. Корнуэлл, Д. Гэблдон, К. Фоллет, К. Иггульден продаются миллионными тиражами, успешные экранизации собирают интернациональную аудиторию. А Мердок, Ю. Уэлти, Т. Стоппарда, М. Рено, А. Байетт считали исторические романы П. О'Брайана выдающимся образцом самой тонкой англоязычной прозы 20 века [1]. Но и этого недостаточно, чтобы причислить не только данные произведения, но и популярный исторический роман классического типа в целом, к “литературе” в высоком смысле этого слова. Исследователи до сих задаются вопросом: “Are these books not only best sellers but literature? And if they are literature, what does that mean?”; “Are these twenty books in the Aubrey/Maturin series just entertainment, something that has just not yet turned up on Oprah?” [2]

И. Хёрст в своей работе “The Historical Novel” отмечает привычность такого положения вещей. Даже исторические произведения таких признанных мастеров, как У. Теккерея (“Henry Esmond”, 1852), Ч. Диккенс (“A Tale of Two Cities”, 1859), Дж. Элиот (“Romola”, 1862–1863), считаются менее достойными внимания по сравнению с другими текстами авторов. Причиной такой ситуации является не только столь нелюбимая критиками “жанровость”, но и традиционная повествовательная стилистика. Здесь редко встречаются свойственные постмодернистской литературе интертекстуальность, эксперименты с композицией и хронологией сюжета, приемы метапрозы, эпатажа или игры. Это добротные тексты, как правило очень точные в изображении деталей эпохи. Первичность самой характерной для жанра информативно-развлекательной функции и делает подобный тип романов в глазах многих исследователей недостаточно интеллектуальным, “причудливо старомодным” и “архаичным” – “quaint, even antediluvian” [3, с. 208].

Писатель и критик Дж. Боттам отнес подобные произведения к чисто эскейпистскому чтиву, типичному, как детективы А. Кристи или научная фантастика Р. Хайнлайна: “This is escapist fiction as unyieldingly conventional as Agatha Christie's mysteries, Louis L'Amour's westerns, or Robert Heinlein's science fiction [4].

М. Синовитц, сравнивая способы репрезентации истории в романах П. О'Брайана и современных ему постмодернистских произведениях, отмечает, что на фоне последних тексты британского автора кажутся “анахронизмом”, а само следование классической форме жанра может в настоящее время восприниматься только как пастиш: “When one juxtaposes O'Brian with these more overtly postmodern texts, it appears that, in regards to historical representation, O'Brian is an anachronism—unless, perhaps, you consider his adherence to the classical model to be in the form of the pastiche” [5, с. 76].

Однако композиционная и стилистическая “обычность” не подразумевает низкие художественные достоинства таких книг или их неспособность затрагивать серьезные и актуальные темы. По признанию того же М. Синовитца, традиционные в своей основе тексты П. О'Брайана оказываются удивительно современны по затронутой проблематике [5, с. 76]. Они также демонстрируют способность расширять спектр используемых литературных приемов.

Из белорусских авторов, работавших в традиции классического исторического романа, Л. Дайнеко, пожалуй, был наиболее чутким к актуальным литературным и общественным тенденциям. Заметны в его произведениях многочисленные вкрапления историографической метапрозы, очевидные переключки с современными событиями и даже почти прямое общение героев прошлого со своими потомками из 2000-х (роман “Назаві сына Канстанцінам”, 2010 г.). В 1994 г. в романе “Чалавек з брыльянтавым сэрцам”, который сам по себе отличается небывалым жанровым эклектизмом, явно звучит популярная ныне экологическая тематика, одним из центральных становится конфликт внешнего рационализма технологической информационной эпохи и внутренней врожденной иррациональности человеческой психики: “Людзям здавалася, што яшчэ адзін крок, адно кароткае, як узмах веек, імгненне - і рухнуць сцены апошніх, такіх зманлівых таямніц, <...> можна будзе лёгка і крылата пайсці па вадзе, па самым лютым агні; можна растапырыць пальцы рукі, з усяго маху ўдарыць імі ў камень – і пальцы не зломяцца, а ўвойдуць у яго, нібы ў масла. І вернікі, і закаранелыя атэісты адчулі сябе (спачатку толькі ўва сне і ў наркатычных мроях) калі не багамі, дык дваінікамі багоў” [6]. Изображая фантазмагорический сплав высоких технологий, идеологической несостоятельности государства на фоне торжества самых дремучих фольклорно-мифологических верований, белорусский автор словно предвидел расцвет того, что сейчас модно называть “Новым Средневековьем”. Л. Дайнеко неоднократно описывал обреченность попытки решить онтологические проблемы с помощью научных и наукообразных подходов, ставя под сомнение “усемагутную веру сваіх далёкіх папярэднікаў у несакрушальную бязмежную сілу тэхнікі і навукі” – проблематика, которая выйдет на первый план в исторической прозе второго десятилетия 21 века (“Pure” Э. Миллера, 2011; “Harvest” Дж. Грейса, 2013; “The Western Wind” С. Харви, 2018; “The Thousand Autumns of Jacob de Zoet” Д. Митчелла, 2010, и др.).

Уже упомянутый П. О’Брайан не менее успешно инкорпорирует техники постмодернистской литературы в свои произведения. В романах “Post Captain” и “Desolation Island” автор играет со стилистикой экзистенциального и философского романа: “cheerless faces went by, hurrying to their dismal work, an endless wet, anxious, cold, grey-yellow stream of people, jostling, pushing past one another like an ugly dream, with here and there a pretty shop-girl or servant to make it more heart-rendingly pathetic” [7, с. 2].

В романе “Master and Commander” на фоне эпичных морских сражений в Средиземном море неожиданно возникает еще платоновская проблема референтности слов и вещей, социальных симулякров, как никогда актуальная для философского и социально-гуманитарного дискурса современного общества: “‘No, no, my dear sir,’ said James Dillon, ‘never let a mere word grieve your heart. We have nominal captain’s servants who are, in fact, midshipmen; we have nominal able seamen on our books who are scarcely breeched <...> we take many other oaths that nobody believes - no, no, you may call yourself what you please, so long as you do your duty” [8, с. 91]. Реальность кодируется, шифруется, мистифицируется, и все это обыгрывается в чисто постмодернистском иронично-игровом ключе: “The Navy speaks in symbols, and you may suit what meaning you choose to the words.” [8, с. 91].

Язык как некий код, недоступный непосвященным становится для П. О’Брайана основным средством погружения читателя в историческую атмосферу эпохи (он же, как и код, пароль для “своих” - неперемнная черта и белорусской прозы). Именно поэтому тексты британского писателя переполнены технической морской терминологией: “In ten minutes we must cast off the drag-sail, bear up, set royals, stuns’ls aloft and allow if she will bear them, and bring the wind two points on the quarter” [9, с. 11]. От читателя не требуется способности понять весь этот птичий язык. Избыточные морские обороты, даже оставаясь непонятными для читателя, позволяют в полной мере ощутить инаковость, чуждость и отдаленность нас от загадочного мира нашего прошлого, и позволяет добиться гораздо большего эффекта, чем если бы автор использовал обычное описание: “He trusted the power and poetry of words. Standing alone, they accomplished more, even if only partially understood, than they would with prosaic definitions” [3, 77]. Выстраивание художественного мира с помощью или даже вокруг специально созданного языка –

распространенный в литературе 20-21 вв прием, популяризированный еще Толкином (с которым неоднократно сравнивали самого П. О'Брайана).

Л. Дайнеко и Брайан используют элементы магического реализма, которые создают неожиданные то комические, то романтически-возвышенные ситуации, когда герой может прозреть будущее, а читатель – слышать мысли животных (О'Брайан), разговоры деревьев и древних языческих богов, которые словно со стороны наблюдают и оценивают происходящее: “Хутка зіма, — ціха перагаворваліся карані між сабою. — Хутка снег і мароз упадуць на лес. Шчыльней сцінемся, браты, і нам будзе цёпла спаць да вясны” [10, с. 298].

Оба автора играют с деконструкцией этностереотипов, особенно острой критике подвергается риторика героического пафоса: “The Humane chaps sent me a gold medal once. Very civil in them, too; with a most obliging letter. I pawned it in Gibraltar” [8, с. 31]. Великие исторические деятели в изображении Л. Дайнеко всегда отличаются морально-этической неоднозначностью, во многих описываемых ситуациях это скорее антигерои, чем привычные идеальные правители из школьных учебников. Той же стратегии следует П. О'Брайан, безжалостно разрушая привычный идеализированный образ блестящих офицеров эпохи наполеоновских войн, которые в его книгах скорее заинтересованы в призовых деньгах и карьере, чем идеях освобождения от тирана и мира в Европе.

В первом романе морского цикла “Master and Commander” появляется персонаж Джеймса Диллона, антагониста и главного критика капитана Обри. Аристократ с обостренным чувством чести, Диллон гораздо больше подходит на роль классического романного героя: трагическая личность, участник неудачного восстания за независимость Ирландии, который вынужден служить захватчикам-англичанам, он разрывается между присягой и патриотическими чувствами к родной Ирландии. Именно он ставит вопрос: “What’s wrong with Jack Aubrey?”

В противостоянии Диллона и Обри автор рисует тонкий противовес мотивов: один готов рисковать жизнями команды за абстрактные идеалы и дворянскую честь, другой – за перспективу призовых денег, при этом оба верят, что в первую очередь служат интересам страны. Список приоритетов капитана Джека очень прост и лишен возвышенности: “Glory, professional advancement, prize-money” [8, с. 134]. Даже доктор Мэтьюрин, ближайший друг Обри, про себя признает, что гораздо больше азартному и склонному к рискованным авантюрам Джеку подошла бы роль не офицера королевского флота, а пиратского капитана где-нибудь в Карибском море сотню лет назад: “The sloop’s discipline and training is more like that of a starving privateer than a King’s ship. JA is in many ways more suited to be a pirate chief in the Caribbean a hundred years ago” [8, с. 64].

В финале романа болезненное самолюбие и “излишек” идеализма и довольно эгоцентричное понимание чести Диллона скорее вредит и ему и простым членам команды (сам герой погибает), тогда как приземленные мотивы Обри хотя бы позволяют им заработать “I could wish them both to the Devil, with their high-flown, egocentric points of honour and their purblind spurring one another on to remarkable exploits that may very well end in unnecessary death” [8, с. 382].

При всем стилистическом эклектизме, писателям удается остаться в рамках именно традиционной формы романа, так что эпизодическое введение иронии, элементы интертекстуальности, воспринимаются лишь как необходимый инструмент, техническое средство выражения конкретной идеи, но не проникают на содержательный уровень произведений. Например, тексты П. О'Брайана, несмотря на обилие постмодернистских техник и даже почти хулиганских аллюзий на “Алису в стране чудес” или “Полет над гнездом кукушки”, именно в плане интереса к людям, их способам мышления и восприятия мира, следуют традиции в гораздо большей степени, чем Б. Корнуэлл или К. Фоллетт, приверженцы гораздо более “классического” на первый взгляд исторического романа.

Таким образом, впечатление, что современный приключенческий исторический роман существует словно “вне времени” - outside of time – касается не столько формы (которая, как

показывает глубокое изучение текстов, оказывается гибкой и вполне современной), сколько четко сформулированной автором системы ценностей, обычно основанных на довольно традиционной морали, и серьезному подходу к “вечным” вопросам: “O’Brian is able to paint a compelling and completely satisfying picture of some very old truths about courage, luck, and honor” [4]. Именно эта черта зачастую и делает подобные произведения в глазах критиков “допотопными”: “Dean King wrote that in the years during which Patrick O’Brian first began to publish his books, the early 1970s, his novels seemed, “antediluvian,” for writing novels about a world, and about characters, so traditionally moral” [11].

Таким образом, в современной литературе успешно сосуществуют и развиваются две основные разновидности исторической прозы. Первая – “традиционный” исторический роман, который делает акцент на историческую точность, популярное изложение и анализ общественно-экономических, политических, мировоззренческих особенностей определенной эпохи и ее соотнесенность с насущными вызовами современности, и все это в оболочке авантюрно-приключенческого или детективного (иногда фантастического) сюжета. Подобные произведения демонстрирует определенную степень консервативности формы и подхода к изображению прошлого, формулируют четкую систему ценностей и оценки событий. его периферии находятся т.н. “wallpaper historicals”, чисто развлекательная литература, в которой от историчности остается лишь несколько деталей быта и общий антураж.

Второе направление можно обобщенно отнести к “литературной” исторической прозе – literary historical fiction. Это произведения, отличающиеся первостепенным вниманием именно к необычным, инновационным подходам к восприятию прошлого и его интерпретации (история как нарратив, гендерное восприятие истории, реинтерпретация прошлого с точки зрения теории постколониализма и т.д.), а также стилистическим экспериментам.

В последнее десятилетие 20 века и по настоящее время усиливается тенденция к синтезу этих двух форм исторической прозы: традиционный способ изложения, интригующий сюжет сочетается с глубоким психологизмом и обращением к серьезным онтологическим, философским проблемам (исследование кризиса идентичности в прошлом и настоящем, роли личности в истории, культурной и исторической травмы). И именно такой подход делает исторический роман одним из ведущих жанров современной литературы, как показывает пример творчества Х. Ментелл, Д. Митчелла, Б. Ансуорта, К. Исигуро, М. Атвуд и многих других. При этом экспериментальный, новаторский характер прозы оказывается менее значимым по сравнению с содержательной стороной произведений. Анализируя критически и читательский успех исторических романов Х. Ментелл, жюри Букеровской премии, например, отмечает, что с точки зрения постмодернистской парадигмы эти произведения легче описать через отрицание: не метапроза, не ревизионизм, не историография или размышления о сути истории, а новая жизнь вполне традиционной формы: “[s]he has revitalized a quite traditional form (and a very traditional subject) of historical fiction” [12, с. 174].

Все это дает основания говорить об отходе современных произведений от принципов постмодернистского восприятия мира в способах изображения истории. Возможно, именно синтез традиционной и литературной формы исторической прозы обозначил новые перспективы развития жанра.

Список литературы

1 Patrick O’Brian by Dean King: Summary and reviews // BookBrowse [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.bookbrowse.com/reviews/index.cfm/book_number/464/patrick-obrian. – Date of access: 05.10.2020.

2 Ringle, K. The Aubrey-Maturin Books as Literature / Ken Ringle // The Gunroom of HMSSurprise.org [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.hmssurprise.org/aubrey-maturin-books-literature>. – Date of access: 05.10.2020.

3 King, D. The World of Patrick O'Brian: A Sea of Words, A Life Revealed, Harbors and High Seas, and Every Man Will Do His Duty / D. King. – Open Road Media, 2016. – 1725 p.

4 Bottum, J. The Passion of (and for) Patrick O'Brian [Electronic resource] / J. Bottum. – Mode of access: <https://www.washingtonexaminer.com/weekly-standard/the-passion-of-and-for-patrick-obrian>. – Date of access: 05.10.2020.

5 Sinowitz, M.L. Patrick O'Brian's bodies at sea: sex, drugs and the physical form in the Aubrey-Maturin novels [Electronic resource] / M. L. Sinowitz. – Jefferson (N.C.) : McFarland, 2014. – 209 p.

6 Дайнека, Л. Чалавек з брыльянтавым сэрцам [Электронны рэсурс] / Л. Дайнека. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Leanid_Dajnieka/Calaviek_z_bryljantavym_sercam.html. – Дата доступу: 28.11.2019.

7 O'Brian, P. Post Captain / P. O'Brian. – W.W. Norton, 1972. – 496 p.

8 O'Brian, P. Master and Commander / P. O'Brian. – W. W. Norton & Company, 1990. – 464 p.

9 O'Brian, Patrick. H.M.S. Surprise / P. O'Brian. – HarperCollins Publishers Limited, 2007. – 361 p.

10 Дайнека, Л. След ваўкалака: Раман: Для ст. шк. узросту / Л. Дайнека. – Мн. : Юнацтва, 2001. – 346 с.

11 Kosco, I. The Real McCoy: Patrick O'Brian's Aubrey-Maturin Novels // Fellowship & Fairydust [Electronic resource]. – Mode of access: <https://fellowshipandfairydust.com/2014/11/20/the-real-mccoy/>. – Date of access: 05.10.2020.

12 Brooker, J. 2015. Reanimating historical fiction. In David James (ed.) // The Cambridge companion to British fiction since 1945. – Cambridge : Cambridge University Press. – 160–176 pp.

УДК 882.6.09+80.1

С. М. ТЫЧЫНА
(г. Мінск, БДУКМ)

АСНОЎНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ДАСЛЕДАВАННЯ ЛІТАРАТУРНЫХ СНОЎ

У артыкуле разглядаецца пэўнае кола праблем, звязаных з даследаваннем сноў, якія пададзены ў мастацкай літаратуры: 1) суаднясенне сну і рэальнасці, штодзённасці і мрой ў літаратуры; 2) уплыў літаратурнай традыцыі, фальклору, філасофскіх і рэлігійных поглядаў пісьменнікаў на выкарыстанне сноў у творах; 3) параўнанне сноў, якія бачыў пісьменнік на самой справе, і сноў, створаных яго мастацкім уяўленнем, выяўленне патаемных сфер душы самога аўтара ў снах яго літаратурных герояў; 4) праблема часу і прасторы ў “штучным” сне; 5) мова сну: сімволіка, алегорыя, тropy і г. д. Дадзеная работа дазваляе вылучыць асноўныя напрамкі вывучэння літаратурных сноў, што павінна паспрыяць глыбейшаму разуменню псіхалогіі героя і асаблівасцей развіцця сюжэта.

Практычна ў любым дастаткова вялікім творы (рамане, апавесці, зборніку апавяданняў і інш.) можна сустрэць сненні герояў. Сон – неад’емная частка жыцця чалавека, шлях у таямнічы і неспасцігальны ўнутраны свет асобы, люстэрка перажыванняў, мараў, жаданняў. Пераказ сноў героя ў мастацкай літаратуры дазваляе глыбей зразумець яго псіхіку, прасачыць працу яго падсвядомасці. Літаратурныя сны – гэта найчасцей спроба імітацыі сапраўднага сну людзей. Гэтая імітацыя абумоўлівае асаблівасці паэтыкі сноў, што вылучае іх у тэксце. Для літаратурных сноў характэрная своеасаблівая логіка, якую М. Бахцін называў “фантастычнай логікай сну” [1, с. 289], непадпарадкаванасць законам быцця, парушэнні часава-прасторавых перспектыв. Сны, як правіла, маюць свой сюжэт, які можа быць і не звязаны з сюжэтам усяго твора,